

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ РУССКО-КАЛМЫЦКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ XVII в.

Тепкеев В.Т.¹

¹кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста).

E-mail: tvt75@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается политическое состояние русско-калмыцких отношений в конце XVII в. В этот период, особенно в годы деятельности правительства Софьи Алексеевны, они имели весьма непростой характер. Продолжающиеся военные конфликты калмыков с донскими казаками, участие их в Башкирском восстании, сокращение царского жалованья, контакты Аюки с Крымом и Турцией – все эти моменты негативно отражались на отношениях и вовлекли их в глубочайший кризис. Только с приходом к власти Петра Великого политика по отношению к калмыкам стала меняться в положительную сторону.

Ключевые слова: Аюка-хан, Московское государство, калмыки, Калмыцкое ханство, XVII век, русско-калмыцкие отношения.

В первые десятилетия правления калмыцкого хана Аюки (1672–1724 гг.) русско-калмыцкие отношения переживали весьма непростой период. Царское правительство основные усилия направляло на то, чтобы калмыки по мере сил и возможности обороняли южные границы от набегов враждебных кочевников и оказывали военную помощь, особенно в борьбе против Турции, Крымского ханства и их вассалов. С другой стороны, оно также стремилось установить действенный контроль над связями Калмыцкого ханства с другими государствами, не допустить с ними сближения или же предотвратить возможные неугодные действия правящей верхушки ханства, могущих нанести вред интересам России. В дальнейшем, конечно, предполагалось и вовсе исключить самовольные внешнеполитические контакты тайшей.

Во внутренней жизни царское правительство старалось урегулировать отношения калмыков с непосредственными соседями-подданными России, обезопасить волжский торговый путь, наладить торговые отношения и т.п. Калмыцкие тайши старались получить максимально возможную автономию и, не всегда подчиняясь правительственным указам, совершали набеги на приграничные русские уезды, участвовали в постоянных вооруженных конфликтах с казаками и башкирами. Эти нега-

тивные моменты порождались и поддерживались рядом обстоятельств. Решение территориального вопроса, известная централизация власти, относительная политическая стабилизация внутри ханства, прикочевка значительных групп калмыков из Джунгарии и Западной Сибири привели к сравнительному усилению Калмыцкого ханства, что в известной степени активизировало самостоятельные акции тайшей.

Но более всего столкновения с соседями были следствием отсутствия точно установленных границ между ними, взаимной организации набегов с целью грабежа и получения недостающих предметов и продуктов промышленного производства и сельского хозяйства, скота, лошадей и т.п., претензий на владение степными районами.

Калмыки довольно регулярно и сравнительно в большом количестве участвовали в борьбе России против внешних врагов, особенно Турции и Крымского ханства. Сближения же с ними, временные и непостоянные, порождались определенными политическими и торговыми обстоятельствами. С восточными государствами и, в первую очередь, с Тибетом и Джунгарским ханством, поддерживались отношения в силу сохранившихся еще традиций, из-за желания иметь более или менее обеспеченный тыл, ради торговых и религиозных интересов и т.п.

Установление более эффективного контроля над действиями калмыцких феодалов, урегулирование спорных вопросов между калмыками и их соседями, активное подчинение тайшей власти царского правительства тормозились тогдашним положением России и в некоторой степени самого Калмыцкого ханства, обстановкой в южных районах государства и т.д. Внимание и силы правительства были отвлечены на решение важнейших внешнеполитических задач. Войны и связанные с ними огромные расходы привели к обострению социальной и национальной обстановки.

В подобной обстановке не всегда удается контролировать и держать под вниманием национальные окраины, в том числе и Калмыцкое ханство, положение которого облегчалось пограничностью территории и возможностью откочевки за пределы Российского государства. В сложившейся обстановке правительство старалось урегулировать русско-калмыцкие отношения, не прибегая к насильственным мерам, а путем взятия с тайшей шертей, выдачи жалованья и подарков.

Архивные материалы свидетельствуют, что, несмотря на временное сближение с Крымом, тайши в основном сохраняли верность договоренностям с Россией. Колебания во внешнеполитической линии тайшей проистекали из изменений политической и экономической конъюнктуры и не носили долговременного характера. Связи калмыков с Османской империей и Крымским ханством в рассматриваемое время занимали доминирующее положение и имели непосредственно практическое значение.

Другим важным направлением во внешней политики Калмыцкого ханства были связи с Джунгарией и Тибетом. Стремление калмыцких тайшей поддерживать эти отношения были вызваны рядом причин. Тайши стремились обезопасить свои тылы, чтобы в отношениях с Россией чувствовать себя более уверенно. С другой стороны, Джунгарское ханство продолжало представлять довольно могущественное кочевое государство, которое могло организовать ответный силовой удар из-за откочевки части джунгарских улусов на Волгу в 1687 г. Кроме того, Джунгария лежала на пути паломничества волжских калмыков в Тибет, с которым они продолжали поддерживать довольно тесные связи. Что касается вопроса о возможности ухода калмыков на восток, следует подчеркнуть, что этот фактор в русско-калмыцких отношениях не был постоянным и определяющим. Но царское правительство внимательно отслеживало калмыцко-джунгарские отношения, вовремя узнавало об ухудшении или улучшении связей и действовало в соответствии с этим.

Документальный материал показывает, что у калмыков имелись довольно оживленные, охватывавшие довольно широкий круг населенных пунктов, торговые отношения с русским населением, в которые были вовлечены представители различных слоев. Тем не менее, в указанное время российский рынок был не единственным, и у калмыков продолжали сохраняться торговые связи в Средней Азии, на Северном Кавказе, в Крыму и турецких владениях. Именно это вызывало у царского правительства неудовольствие, что было вызвано внешнеполитическими соображениями.

Правительственная политика в отношениях с калмыками всегда образовывалась с обстановкой на юге страны, с задачами и целями, которые решались на том или ином отрезке времени в этом регионе. Придерживаясь принципа «разделяй и властвуй», правительство старалось противопоставить одни народы другим, внести раскол внутри их рядов. Калмыцкие тайши оказывали довольно активную поддержку властям в подавлении восстаний, хотя наряду с такой помощью они одновременно пытались действовать и в своих интересах, вовсе не относящихся к подавлению восстания.

Если говорить о причинах, влиявших на ход русско-калмыцких отношений в рассматриваемый период, то нужно сразу же указать на сложную обстановку на юге страны. Отголоски восстания Степана Разина, раскольническое движение, Башкирское восстание 1681–1683 гг., Русско-турецкая война 1672–1681 гг., непрекращающиеся набеги кочевников и враждебные акты крымских ханов выдвигали ряд сложных проблем, при решении которых царская власть пыталась найти в этом регионе более широкую социальную и национальную опору, в том числе и в лице калмыков. Подобные намерения, естественно, вели к терпимому отношению к поступкам калмыцких тайшей.

После шерти 1684 г. Аюка направил свою военно-политическую активность против государств и народов Средней Азии, а также против некоторых владельцев Северного Кавказа. В 1687 г. ухудшились калмыцко-джунгарские отношения. В это время почти прекратились нападения калмыков на царских подданных, но вместе с тем и их военная служба резко сократилась. Правительство Софьи Алексеевны почти вдвое сократило жалованье Аюке и другим тайшам, что, конечно, резко ухудшило их отношение к царской администрации. Как результат, Крымские походы В.В. Голицына были полностью проигнорированы или саботированы тайшами.

В начале 1690-х гг. столкновения калмыков с башкирами и казаками вновь приняли широкий размах, что участило приезды калмыцких посланцев в Москву. Ссоры калмыков с соседями предписывалось улаживать местным властям. В ответ на это тайши активизировали свои отношения с Турцией и Крымом, а также с казаками и каракалпаками по поводу совместных действий против казаков.

В русских архивных материалах сохранилось большое количество документальных свидетельств, дающих достаточно полное представление о характере калмыцко-донских отношений. Периоды союзничества калмыков с донцами часто прерывались возникавшими противоречиями, доходившими порой до открытых и ожесточенных вооруженных конфликтов, особенно часто они наблюдались в последней трети XVII в. К началу Азовских походов 1695–1696 гг. калмыцко-донские отношения переходят в стабильное состояние, причиной которого послужило желание царского правительства использовать в полной мере их военный потенциал в предстоящей русско-турецкой войне.

После свержения правительства царевны Софьи Алексеевны военные действия против турок были приостановлены, а русские войска были заняты лишь отражением набегов крымских и азовских татар. В 1694 г. новым правительством Петра Алексеевича было решено возобновить активные боевые действия и нанести удар не по крымским татарам, как в походах В.В. Голицына, а по турецкой крепости Азов. Правительство решило окончательно привлечь калмыцких тайшей на свою сторону. В овладении турецким Азовом Петр I рассчитывал на военную помощь калмыков.

Русские документы нам отчетливо показывают, что Аюка не принял никакого деятельного участия в первом Азовском походе русской армии. Более того, по словам едисанского ногай Шаршенбека, который в декабре 1695 г. был взят в плен казаками под Азовом, еще до прихода царских войск Аюка присылал шестерых посланцев в турецкую крепость с уведомлением, что будет оказывать в предстоящем русско-турецком противостоянии помощь только тем, «которая сторона будет сильнее». Но обещанное подкрепление туркам Аюка так и не прислал [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1695 г. Д. 13. Л. 32].

После взятия Азова в 1696 г. перед правительством Петра Алексеевича встала задача прочного закрепления в низовьях Дона и на Азовском море. В марте 1697 г. Петр Алексеевич отбыл в Европу с Великим посольством, но продолжал следить за ходом подготовки обороны Азова. В начале года государь к Аюке и другим тайшам направил письмо с указанием уже к концу апреля или в начале мая прислать калмыцкую конницу в полки под Азов [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 1. Л. 1].

В апреле 1697 г. в Москву прибывает калмыцкое посольство во главе с Кашкой с письмами от Аюки. В первом письме он сообщает о его готовности выделить на государеву службу 30-тысячное войско [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 7. Л. 5–6]. В другом письме Аюка снова констатировал: «мы от вас худа никакова к себе не видали, а вы от нас тако же никакого худа нет». По его мнению, «только ссоры чинят меж нами, сложася двое – казаки да башкирцы небольшие люди». Аюка просил произвести двухсторонний розыск всех преступников, заверив еще раз царские власти: «хочу быть в любви и в совете, в дали и в близости видетца» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 7. Л. 8].

Азовская кампания Петра Великого оказала значительное влияние на характер калмыцко-донских отношений в указанный период. Начало русско-турецкой войны и личное присутствие государя на юге страны сподвигли на серьезное вмешательство в дела калмыков и донских казаков, когда конфликтная ситуация между ними достигла критического уровня. Стороны довольно скоро нашли возможность ее немедленного разрешения путем переговоров и заключения нового соглашения. 17 июля 1697 г. между калмыцким ханом Аюкою и боярином князем Б.А. Голицыным на реке Камышинка были заключены «Договорные статьи»:

Во-первых, в случае войны калмыков с бухарцами, каракалпаками или казаками русская сторона обязывалась предоставить Аюке вооружение и военные припасы.

Во-вторых, калмыкам предоставлялась возможность кочевать под всеми русскими городами.

В-третьих, во время крымских или кубанских походов калмыцким отрядам должна была предоставляться всемерная поддержка в русских крепостях.

В-четвертых, русская сторона обязывалась не принимать беглых калмыков, не крестить их и возвращать.

В-пятых, государевым судам на расстоянии от Черного Яра до Саратова перевозить служилых калмыков «безо всякого задержанья и обид».

И, наконец, в-шестых, Москва обязывалась отправить во все государевы города, а также в Уфу, на Яик и Дон царские указы о недопущении «под смертной казнию» нападений на калмыцкие улусы [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 2. Л. 1–2].

Голицын и Аюка обменялись договорными статьями, а боярин на своем экземпляре даже сделал собственноручно следующую запись: «К сим статьям договорным для явного и душевного подкрепления, да в лице в конце я, князь Борис Голицын, по договору с братом, укрепил вечно и впредь сим статьям быть неподвижно рукою» [ПСЗРИ-I, т. 3: 330–331].

Отныне форма взаимоотношений между царским правительством и тайшами несколько меняется. После 1684 г. тайши перестали давать шерти, а их заменили личные встречи Аюки с кем-либо из крупных сановников, в частности с руководителем Приказа Казанского дворца, в чьем ведении и находились «Калмыцкие дела». В ходе этих встреч составлялись письменные договоры, фиксировавшие обязательства и права сторон.

Однако Аюка и другие тайши не могли в полной мере воспользоваться результатами этих соглашений. Междоусобицы внутри калмыцкого общества принимали более широкий и затяжной характер, и они в целом подрывали русско-калмыцкое соглашение и внешнеполитическую активность тайшей на стороне России.

По мнению К.Н. Максимова, упрочение позиции Аюки в Калмыцком ханстве и России способствовало повышению его политического авторитета в монгольском мире, который был признан и духовными лидерами Тибета [Максимов 2002: 104]. Действительно, оформление духовной властью высокого положения Аюки как правителя кочевого государства произошло в 1697 г., когда Далай-лама VI возвел его в ранг хана, пожаловав ему ханскую грамоту и печать. И именно в этот год царское правительство официально признало Аюку ханом, поскольку с этого времени в официальных документах он стал именоваться этим титулом.

В заключение отметим, что с приходом к власти Петра Великого русско-калмыцкие отношения в конце XVII в. претерпевают резкие изменения в сторону укрепления партнерских отношений. Конечно, это было вызвано активизацией внешней политики России на южном направлении и Азовскими кампаниями. И, наоборот, в период деятельности правительства Софьи Алексеевны русско-калмыцкие отношения переживали глубочайший кризис, сопровождавшийся постоянными вооруженными столкновениями калмыков с донскими казаками и башкирами. Слабость центральной власти не позволила вовремя исправить конфликтную ситуацию на юге страны. А падение роли и авторитета Аюки в глазах правительства, особенно после его активного участия в Башкирском восстании в 1681–1683 гг., только усугубило обстановку в регионе. Петр не стал продолжать политику своей старшей сестры и во многом действовал ей вопреки, в том числе и в русско-калмыцких отношениях. Однако только после своего личного участия в Азовской кампании он ясно осознал политическую роль Аюки и военный потен-

циал калмыцкой конницы на юге страны, что и стало отправной точкой в изменении его политики по отношению к Калмыцкому ханству.

Источники:

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Литература:

Максимов К.Н. Калмыки в национальной политике, системе власти и управления России (XVII – XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собрание Первое. Т. 3. 1689–1699. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 694 с. (ПСЗРИ-I).